

ПРАВО

LAW

УДК 343.97
doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-5

Детерминанты фальсификации доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-разыскной деятельности в современной России

А. В. Яшин

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Пензе, Пенза, Россия

andrej.yaschin@yandex.ru

Аннотация. Актуальность и цели. Ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-разыскной деятельности предусмотрена ч. 2–4 ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данные преступления характеризуются повышенной общественной опасностью, поскольку представляют серьезную угрозу для современной правовой системы, российского общества и государства. Преступное поведение лиц, совершающих такие общественно опасные деяния, приводит к существенному нарушению прав и свобод личности, утрате доверия населения к правоохранительным органам, а также иным негативным последствиям. В свою очередь пренебрежение всесторонними научными исследованиями причин и условий совершения фальсификаций оперативной и доказательственной информации нередко обуславливает непрогнозируемые противоправные воздействия на интересы отечественного правосудия. Вследствие этого выявление и анализ причинного комплекса совершения фальсификаций доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-разыскной деятельности представляется актуальным и практически значимым. Цель работы – рассмотреть и проанализировать основные детерминанты указанных общественно опасных деяний. **Материалы и методы.** Использовались доктринальные источники по исследуемым вопросам, материалы судебной практики и официальные статистические сведения. Методологической основой послужил всеобщий диалектический метод познания. Кроме того, были реализованы следующие методы: системно-структурный, анализа и синтеза, дедукции и индукции, статистического анализа, обобщения судебной практики и экспертных оценок. **Результаты.** В ходе проведенного исследования установлено, что совершение преступлений, предусмотренных ч. 2–4 ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации, детерминировано многими факторами, связанными преимущественно с недостатками в управлении правоохранительными органами. **Выходы.** Выявлена необходимость дальнейшей оптимизации кадровой политики в правоохранительной сфере.

© Яшин А. В., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

нительных структурах в целях повышения престижа службы и обеспечения притока профессиональных кадров, достойно выполняющих свои служебные обязанности по раскрытию и расследованию преступлений.

Ключевые слова: фальсификация доказательств, уголовное дело, оперативно-разыскная деятельность, преступления против правосудия, датерминанты преступлений, уголовное судопроизводство, следователь, дознаватель, оперативный сотрудник, правоохранительные органы

Для цитирования: Яшин А. В. Датерминанты фальсификации доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-разыскной деятельности в современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 3. С. 64–73. doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-5

Determinants of falsification of evidence in a criminal case and the results of operational-investigative activities in modern Russia

A.V. Yashin

Penza State University, Penza, Russia

Penza branch of Moscow Witte University, Penza, Russia

andrej.yaschin@yandex.ru

Abstract. *Background.* Liability for falsification of evidence in a criminal case and the results of operational-search activities is provided for in Parts 2–4 of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation. These crimes are characterized by increased social danger, since they pose a serious threat to the modern legal system, Russian society and the state. Criminal behavior of persons committing such socially dangerous acts leads to a significant violation of the rights and freedoms of the individual, loss of public confidence in law enforcement agencies, as well as other negative consequences. In turn, neglect of comprehensive scientific research into the causes and conditions for falsifying operational and evidentiary information often leads to unpredictable illegal impacts on the interests of domestic justice. As a result, identifying and analyzing the causal complex of falsifying evidence in a criminal case and the results of operational-search activities seems relevant and practically significant. The purpose of the work is to consider and analyze the main determinants of these socially dangerous acts. *Materials and methods.* The article used doctrinal sources on the issues under study, materials of judicial practice and official statistical data. The methodological basis was the general dialectical method of cognition. In addition, the following methods were implemented: system-structural, analysis and synthesis, deduction and induction, statistical analysis, generalization of judicial practice and expert assessments. *Results.* In the course of the conducted research it was established that the commission of crimes provided for in parts 2–4 of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation is determined by many factors, associated primarily with shortcomings in the management of law enforcement agencies. *Conclusion.* A conclusion was made about the need for further optimization of personnel policy in law enforcement agencies in order to increase the prestige of the service and ensure an influx of professional personnel who adequately perform their official duties in solving and investigating crimes.

Keywords: falsification of evidence, criminal case, operational investigative activity, crimes against justice, determinants of crimes, criminal proceedings, investigator, inquiry officer, operational officer, law enforcement agencies

For citation: Yashin A.V. Determinants of falsification of evidence in a criminal case and the results of operational-investigative activities in modern Russia. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(3):64–73. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-5

В структуре преступлений против правосудия значительное место занимают деяния, связанные с фальсификацией доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Их удельный вес в системе посягательств на интересы правосудия за последние пять лет составлял от 2,9 до 4,5 %.¹ Надлежит отметить, что данные преступления обладают повышенной степенью общественной опасности, поскольку фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности представляет серьезную угрозу для отечественной правовой системы и российского общества в целом. Совершение преступлений, предусмотренных ст. 303 УК РФ, приводит к существенному нарушению прав и свобод личности, подрыву конституционного принципа презумпции невиновности, утрате доверия населения к правоохранительным и судебным органам, отмене судебных решений и пересмотру дел, создающим дополнительную нагрузку на всю правоприменительную систему, и другим негативным последствиям.

Следует полагать, что наибольшую угрозу для правопорядка в современной России представляют общественно опасные деяния, направленные на фальсификацию доказательств по уголовному делу (ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ) и результатов оперативно-разыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ). Это объясняется тем, что при совершении таких деяний невиновные могут быть осуждены за преступления, которые не совершали, а виновные, напротив, избежать уголовной ответственности, что в корне противоречит назначению уголовного судопроизводства и основополагающим принципам уголовного закона (законности, вины, справедливости). Кроме того, отступление от конституционных принципов правосудия наносит серьезный, порой непоправимый, вред лицам, подвергшимся уголовному преследованию [1, с. 39]. Каждый потерпевший от фальсификации доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-разыскной деятельности в любом случае испытывает изменения в социальной, материальной и моральной сферах его жизни [2, с. 193].

В современных научных источниках проблемы фальсификации доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-разыскной деятельности исследуются преимущественно в уголовно-правовом и криминалистическом аспектах. В частности, учеными рассматриваются вопросы конституционной обусловленности соответствующих уголовно-правовых норм [3, с. 35],

¹ Приведенные в статье статистические сведения о преступлениях против правосудия получены по авторскому запросу из Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации.

анализируются признаки составов преступлений [4, с. 42], выявляются проблемы их квалификации [5, с. 3], расследования [6, с. 41] и т.п. В то же время криминологическим особенностям рассматриваемых преступлений представителями научного сообщества уделяется внимание в недостаточном объеме, что предопределяет актуальность и практическую значимость данного исследования.

Согласно статистическим показателям о количестве осужденных в Российской Федерации, более трети преступлений, предусмотренных ч. 1–3 ст. 303 УК РФ, связаны с фальсификацией доказательств именно по уголовным делам. Так, в 2020 г. число осужденных по ч. 2–3 ст. 303 УК РФ составило 42,0 % от всего количества осужденных за фальсификацию преступлений, в 2021 г. – 34,3 %, в 2022 г. – 34,9 %, в 2023 г. – 39,1 %, в 2024 г. – 38,6 % [7]. Обозначенные сведения являются негативной тенденцией, поскольку судами уголовных дел рассматривается существенно меньше, чем гражданских и административных.

Следует отметить, что обвинительные приговоры в отношении лиц, виновных в фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, выносятся в единичных случаях. В частности, в 2020 г. по ч. 4 ст. 303 УК РФ осуждено 7 человек, в 2021 г. – 1, в 2022 г. – 1, в 2023 г. – 7, в 2024 г. – 2 [7]. Это связано со сложностями в выявлении данных деяний, так как в оперативно-разыскной деятельности зачастую отсутствуют эффективные механизмы контроля за сотрудниками вследствие ограниченного доступа к оперативной информации. Также при совершении преступлений рассматриваемого вида не всегда остаются следы противоправной деятельности. К тому же уголовно-правовая норма, запрещающая фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности, является относительно новой для российского уголовного закона, она была включена в УК РФ в 2012 г. в целях повышения уровня уголовно-правовой охраны интересов правосудия [8, с. 436].

Высокая степень латентности фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, как и доказательств по уголовному делу, существенно искажает официальную статистическую информацию о преступлениях, предусмотренных ч. 2–4 ст. 303 УК РФ, что затрудняет планирование и оценку эффективности мер противодействия им. Низкий уровень выявляемости данных общественно опасных деяний определен тем, что способы фальсификаций с каждым годом совершенствуются, поскольку преступники используют в своей деятельности достижения цифровых технологий [9, с. 295]. В частности, в юридической литературе приводятся примеры фальсификаций доказательств в форме создания поддельных видео- и аудиозаписей, фотографий и личных документов [10, с. 461].

Поскольку деятельность в сфере предупреждения преступлений направлена в первую очередь на выявление и устранение причин и условий совершения общественно опасных деяний, необходимо рассмотреть наиболее вероятные в настоящее время детерминанты фальсификации доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-разыскной деятельности. При этом невозможно не согласиться с авторами, полагающими, что игнорирова-

ние субъектами предупредительной деятельности проблем глубокого и всестороннего исследования причинного комплекса в рассматриваемой сфере может привести к непредсказуемым последствиям не только для системы правосудия, но и для всего общества в целом [11, с. 59].

В последние годы наблюдается серьезный кадровый дефицит в правоохранительных органах Российской Федерации, что отмечают руководители соответствующих ведомств и представители научного сообщества. Так, по справедливому мнению И. В. Овсянникова, существующие многочисленные вакансии и кадровые сложности в правоохранительных органах уже давно стали хронической проблемой [12, с. 26]. Неукомплектованность органов предварительного расследования и оперативных подразделений приводит к повышенной нагрузке на сотрудников. В таких условиях качество производства предварительного следствия и дознания, а также проведения оперативно-разыскных мероприятий оставляет желать лучшего.

В целях повышения раскрываемости преступлений и получения необходимых результатов служебной деятельности следователи (дознаватели), а также оперативные сотрудники довольно часто испытывают давление со стороны руководства. Опасение наказания либо иных неблагоприятных последствий за несвоевременное расследование или раскрытие преступлений, а также желание угодить вышестоящим начальникам порой побуждает сотрудников к ускорению своей деятельности и искажению доказательственной информации. Нередко в таких случаях фальсифицируются протоколы следственных действий и иные процессуальные документы. Виновные, не желая утруждать себя в поиске и допросе свидетелей либо иных участников уголовного судопроизводства, самостоятельно вносят в протоколы необходимые сведения и подделывают личные подписи лиц, которые должны были участвовать в расследовании. В качестве основных мотивов преступного поведения при этом зачастую выступают карьеризм, сокращение объема своей работы, корыстные побуждения [13, с. 93].

Наглядным примером подобных фальсификаций является приговор Ленинского районного суда г. Воронежа по уголовному делу № 1-27/2020 от 18 февраля 2020 г., согласно которому старший дознаватель УМВД России по г. Воронежу, возбудив уголовное дело по ч. 1 ст. 158 УК РФ, изготавлила протоколы следственных действий, в которые внесла заведомо ложные сведения об их проведении, после чего подписала протоколы от имени подозреваемого и свидетелей. Затем, подготовив обвинительный акт, она подделала в нем подпись подозреваемого и передала материалы уголовного дела для утверждения начальнику органа дознания, а затем прокурору. Приговором суда старший дознаватель была признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 303 и ч. 2 ст. 292 УК РФ¹.

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Воронежа по уголовному делу № 1-27/2020 от 18.02.2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xDK9x3KaFNI/?ysclid=mb7xxp803z963835500> (дата обращения: 29.05.2025).

В данном случае дознаватель сфальсифицировала практически все протоколы следственных действий, не допрашивая ни подозреваемого, ни свидетелей и даже не ознакомив подозреваемого с материалами уголовного дела, что способствовало его скорейшему оформлению и направлению прокурору для утверждения обвинительного акта.

Результаты оперативно-разыскной деятельности фальсифицируются преимущественно в целях повышения показателей служебной деятельности, связанной с раскрытием преступлений.

Так, 4 июня 2018 г. Советским районным судом г. Тулы за совершение преступлений, в том числе предусмотренных ч. 4 ст. 303 УК РФ, осужден оперуполномоченный отдела по борьбе с организованной преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков управления уголовного розыска Управления Министерства внутренних дел России по Тульской области. В ходе судебного заседания установлено, что подсудимый в целях уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, действуя в целях повышения показателей служебной деятельности, сфальсифицировал материалы оперативно-разыскных мероприятий путем составления акта личного досмотра задержанного и последующего изъятия вложенного наркотического средства в карман его одежды¹.

Существенными детерминантами фальсификации доказательственной и оперативной информации являются и факторы, связанные с личной заинтересованностью следователей (дознавателей) и оперативных сотрудников в исходе дела. Данные обстоятельства во многом создают препятствия для всестороннего и справедливого раскрытия и расследования уголовных дел и существенно снижают авторитет правоохранительных органов [14, с. 631]. Следует полагать, что мотивы личной заинтересованности сотрудников обусловлены их недостаточной профессиональной подготовкой, отрицанием правовых и этических стандартов, непониманием негативных последствий фальсификации для правосудия и общества. Причинами тому служат недостаточное денежное обеспечение сотрудников правоохранительных органов, что отталкивает более квалифицированных специалистов от службы в них и приводит к частой смене кадрового состава. Вследствие этого более грамотные лица, имеющие юридическое образование, стараются трудоустроиться в организации и учреждения с высокой заработной платой. Набор же в правоохранительные структуры (особенно в органы внутренних дел) осуществляется уже по остаточному принципу, и, вследствие кадрового дефицита, поступить на службу, в том числе в органы предварительного расследования и оперативные подразделения, могут наименее профессиональные и морально неустойчивые граждане. В данном случае следует солидаризироваться с мнением О. В. Зуевой и Н. Н. Демидова, считающих, что изменение ценностных ориентаций современной молодежи определяет такие ее потреб-

¹ Приговор Советского районного суда г. Тулы по уголовному делу № 1-21/2018 от 04.06.2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8scboAF7AgZQ/?ysclid=mb81kszfe2945990867> (дата обращения: 29.05.2025).

ности, которые служба в органах внутренних дел удовлетворить не в состоянии [15, с. 124].

Указанные обстоятельства приводят к тому, что лица, осуществляющие предварительное расследование и оперативное сопровождение по уголовным делам, из личной заинтересованности фальсифицируют доказательства в целях прекращения уголовного дела или смягчения ответственности в отношении своих знакомых или родственников, самоутверждения и других личных выгод. Данные факторы можно проиллюстрировать материалами судебной практики.

К примеру, 19 ноября 2024 г. Ленинским районным судом г. Пензы осужден старший дознаватель отдела полиции № 1 Управления Министерства внутренних дел России по г. Пензе. В ходе судебного заседания установлено, что подсудимый в целях освобождения от уголовной ответственности своего знакомого, подозреваемого в совершении кражи автомагнитолы, сфальсифицировал протокол выемки данной автомагнитолы, протокол осмотра места происшествия, протокол дополнительного допроса потерпевшего и другие процессуальные документы. Суд признал виновным старшего дознавателя в совершении ряда преступлений, в том числе предусмотренных ч. 2 ст. 303 УК РФ¹.

На основании изложенного следует констатировать, что совершение общественно опасных деяний, связанных с фальсификацией доказательств по уголовному делу и материалов оперативно-разыскной деятельности, детерминировано многими факторами. К ним, в частности, можно отнести стремление сотрудников правоохранительных органов к скорейшему раскрытию и расследованию преступлений в целях улучшения показателей и повышения рейтинга своей служебной деятельности; высокую загруженность следователей, дознавателей и оперативных сотрудников; их недостаточную профессиональную подготовку; отрицание ими правовых и этических стандартов; непонимание негативных последствий фальсификации для правосудия и общества; правовой нигилизм. В свою очередь, указанные причины обусловлены кадровым дефицитом в правоохранительных структурах, вызванным низким материальным обеспечением сотрудников и снижением престижа прохождения службы.

Представляется, что устранение данных причин возможно посредством дальнейшей оптимизации кадровой политики, особенно в органах внутренних дел, поскольку материалы судебно-следственной практики свидетельствуют о том, что доказательства по уголовному делу и материалы оперативно-разыскной деятельности фальсифицируются преимущественно сотрудниками именно органов внутренних дел. Для этого в первую очередь необходимо внести соответствующие изменения в ведомственные нормативные акты о повышении денежного довольствия сотрудникам, пересмотреть

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Пензы по уголовному делу № 1-169/2024 от 19.11.2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nD1F5revBOQw/> (дата обращения: 29.05.2025).

систему надбавок и стимулирующих выплат. Такие меры смогут повысить престиж службы в правоохранительных структурах и обеспечить приток целеустремленных и профессиональных кадров, в том числе в оперативные подразделения, органы предварительного следствия и дознания, желающих честно, достойно, в соответствии с законом выполнять свои служебные обязанности по раскрытию и расследованию преступлений.

Список литературы

1. Быкова Е. Г., Казаков А. А. Оперативный сотрудник как субъект фальсификации доказательств по уголовному делу // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2021. № 4. С. 38–50.
2. Шайденко Е. А. Тяжкие последствия фальсификации доказательств как оценочный признак состава преступления, влияющий на степень его общественной опасности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 1 (54). С. 191–197.
3. Борков В. Н. Конституционно-правовой смысл нормы о фальсификации доказательств по уголовному делу // Законность. 2024. № 4 (1074). С. 35–38.
4. Радченко А. А. Способ как обязательный признак состава фальсификации доказательств по уголовному делу // Уголовное право. 2023. № 5 (153). С. 42–51.
5. Борков В. Н. Квалификация фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, сопряженной с другими преступлениями // Уголовное право. 2023. № 8 (156). С. 3–10.
6. Гавло В. К., Сафонов А. Ю. К вопросу о классификации типичных следственных ситуаций по делам о фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности, складывающихся на первоначальном этапе расследования // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2-1 (86). С. 41–45.
7. Судебная статистика РФ. Данные о назначеннем наказании по статьям УК // Агентство правовой информации. URL: <https://stat.apи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17?ysclid=mb7ne1ahn39055038> (дата обращения: 28.05.2025).
8. Ворончихина Е. В. Фальсификация доказательств: актуальные проблемы // Вопросы российской юстиции. 2020. № 5. С. 433–440.
9. Попов В. П. Уголовно-правовая охрана правосудия от фальсификации доказательств // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13, № 5. С. 293–302.
10. Исаева К. А., Калиев Т. Т. Фальсификация доказательств с использованием дипфейк-технологий // Аграрное и земельное право. 2024. № 12 (240). С. 460–462.
11. Климова Ю. Н. Фальсификация доказательств по уголовному делу: особенности объективных и субъективных признаков // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2 (55). С. 58–66.
12. Овсянников И. В. Пути реформирования частного порядка уголовного преследования в свете кадровых проблем правоохранительных органов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2024. № 2 (261). С. 25–29.
13. Бердников В. Л. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 87–97.
14. Россинский С. Б., Рябцева Е. В. Предупреждение коррупционных рисков в уголовном судопроизводстве // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 5. С. 629–637.

15. Зуева О. В., Демидов Н. Н. Проблемы повышения престижа ведущих подразделений полиции в условиях совершенствования кадровой политики в органах внутренних дел Российской Федерации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 4 (269). С. 122–131.

References

1. Bykova E.G., Kazakov A.A. An operative officer as a subject of falsification of evidence in a criminal case. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Bulletin of Moscow University. Series 11: Law.* 2021;(4):38–50. (In Russ.)
2. Shaydenko E.A. The grave consequences of falsification of evidence as an evaluative feature of the elements of a crime, influencing the degree of its public danger. *Vestnik Sibirskego yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2024;(1):191–197. (In Russ.)
3. Borkov V.N. The constitutional and legal meaning of the norm on falsification of evidence in a criminal case. *Zakonnost = Legality.* 2024;(4):35–38. (In Russ.)
4. Radchenko A.A. Method as a mandatory feature of the composition of falsification of evidence in a criminal case. *Ugolovnoye pravo = Criminal law.* 2023;(5):42–51. (In Russ.)
5. Borkov V.N. Qualification of falsification of the results of operational-investigative activities associated with other crimes. *Ugolovnoye pravo = Criminal law.* 2023;(8):3–10. (In Russ.)
6. Gavlo V.K., Safronov A.Yu. On the issue of classification of typical investigative situations in cases of falsification of evidence and the results of operational-search activities that arise at the initial stage of the investigation. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of Altai State University.* 2015;(2-1):41–45. (In Russ.)
7. Judicial statistics of the Russian Federation. Data on sentences imposed under articles of the Criminal Code. *Agentstvo pravovoy informatsii = Legal Information Agency.* (In Russ.). Available at: <https://stat.api-press.rf/stats/ug/t/14/s/17?ysclid=mb7ne1ahn39055038> (accessed 28.05.2025).
8. Voronchikhina E.V. Falsification of evidence: current issues. *Voprosy rossiyskoy yustitsii = Issues of Russian justice.* 2020;(5):433–440. (In Russ.)
9. Popov V.P. Criminal-legal protection of justice from falsification of evidence. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve = Gaps in Russian legislation.* 2020;13(5):293–302.
10. Isayeva K.A., Kaliyev T.T. Falsification of evidence using deepfake technologies. *Agrarnoye i zemelnoye pravo = Agrarian and land law.* 2024;(12):460–462. (In Russ.)
11. Klimova Yu.N. Falsification of evidence in a criminal case: features of objective and subjective signs. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute.* 2020;(2):58–66. (In Russ.)
12. Ovsyannikov I.V. Ways to reform the private procedure for criminal prosecution in light of personnel problems in law enforcement agencies. *Vedomosti ugolovno-ispolnitelnoy sistemy = Penal system reports.* 2024;(2):25–29. (In Russ.)
13. Berdnikov V.L. The subjective side of the crime provided for in Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Vostochno-Sibirskego instituta MVD Rossii = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2022;(1):87–97. (In Russ.)
14. Rossinskiy S.B., Ryabtseva E.V. Prevention of corruption risks in criminal proceedings. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal = All-Russian Criminological Journal.* 2022;16(5):629–637. (In Russ.)

15. Zuyeva O.V., Demidov N.N. Issues of increasing the prestige of leading police units in the context of improving personnel policy in the internal affairs bodies of the Russian Federation. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya = Bulletin of Adyghe State University. Series: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies.* 2020;(4):122–131. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Андрей Владимирович Яшин
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры правоохранительной
деятельности, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40);
профессор кафедры юриспруденции,
филиал Московского университета
имени С. Ю. Витте в г. Пензе
(Россия, г. Пенза, ул. Вяземского, 25Б)

E-mail: andrej.yaschin@yandex.ru

Andrei V. Yashin
Doctor of juridical sciences, associate
professor, professor of the sub-department
of law enforcement, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia);
professor of the sub-department
of jurisprudence, Penza branch of Moscow
Witte University (25B Vyazemskogo street,
Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 16.06.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.07.2025

Принята к публикации / Accepted 14.08.2025